

"Какая-то глубокая удивительная мысль..."

В июне нынешнего года исполнилось 210 лет со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина, но, увы, ранее, в феврале, мы вспоминали дуэль на Черной речке. 10 февраля 1837 года — день, когда земная жизнь поэта завершилась... Это случилось 172 года тому назад.

В июле исполнилось 186 лет с того дня, когда молодой Пушкин прибыл в наш город. Тринадцать месяцев своей ссылки он провел в Южной Пальмире, написав здесь поэмы, лирические стихи, главы романа "Евгений Онегин", а нам — одесситам — со щедростью гения выписал Грамоту на бессмертие.

В Одессе Пушкин — молодой, талантливый, дерзкий, влюбчивый, самодлюбивый — заводил друзей и врагов, возлюбленных и ревнивцев. От тоскливого семейного треугольника, глухой вражды великосветской черни, от рокового поединка его отделяли четырнадцать лет. Всего... Целых...

Каким он был, как выглядел в разные годы жизни, хорош был или плох собой, на кого больше похож — на папу или маму, российскую или арапскую родню? Проживи Пушкин еще лет пять, и мы бы сегодня разглядывали его фотографии, — и в Россию вскоре пришли первые дагерротипы. Остались портреты — и знаменитых живописцев В. Тропинина и О. Кипренского, и художников попроще, а также автопортреты, рисунки на полях.

Словесные описания облика поэта оставили многие современники — каждый согласно своему отношению к нему. И все же единственным достоверным, объективным и лаконичным отображением лица Александра Сергеевича является посмертная маска, снятая в день смерти. Специалиста — лучшего на то время — И. Гильберга спешно вызвал ближайший друг Пушкина, поэт и царедворец Василий Жуковский. Я в юности видел ее в Пушкинском доме на Мойке, и она и по сей день остается, пожалуй, самым сильным и нестареющим впечатлением от Ленинграда...

Можно собрать целую полку научных трудов, полемических заметок, поэтических реминисценций, посвященных судьбам нескольких первых отливок с маски, снятой Гильбергом. Одна из них принадлежала Жуковскому, другая — автору знаменитого Словаря русского языка В. Далю, были и третья, и четвертая... Маски долгое время находились в семьях пушкинского окружения, а затем были подарены музеям. С них были отлиты тысячи копий, которые разошлись по всей стране. Я помню эти белые

страдальческие лики в квартирах почитателей творчества поэта, в школьных кабинетах литературы... Гипсовые отливки стали непременной составляющей предметов, из которых студентам художественных училищ предлагалось составить натюрморт, их рисовали, их лепили...

Есть такая маска и в Одесском художественном училище имени Грекова. Сегодня его выпускники Олеся Зайвая и Стас Жалобнюк не могут с точностью не только до дня, но и месяца, и года назвать дату своей встречи с Обликом Поэта, застигнутого застывающим гипсом в свой последний час, но и сегодня они помнят то чувство... Ощущение сопричастности к трагической судьбе молодого человека (сегодня — они почти ровесники), застигнутого на взлете не только пулей французского авантюриста, но и профессиональными тщаниями старательного немецкого скульптора, специализировавшегося на произведениях в жанре *Stilleben* (Тихая жизнь), но справедливее было бы — *Totleben* (Жизнь мертвая). Не правда ли — блестящий пример оксюморона, единства противоположностей.

Гильберг старательно снял маску, которую затем отлил петербургский формовщик Балин. Спустя сто с лишним лет студенты Стас и Олеся старательно срисовывали с гипсовой копии черты застывшего лица. Через десяток с небольшим лет они придумали и реализовали проект "48 посмертных масок Пушкина", впервые показанный в киевской галерее "Тад-зио", а затем и в Одессе.

Почему именно 48? Я и не думал задавать супругам этот вопрос, — вряд ли они задумывались над этим. Но вот почему материалом стал не гипс, а бумага, полюбопытствовал. Но и об этом не спросил, решил сам поразмышлять.

И, как мне кажется, угадал! Достаточно вспомнить пушкинское: "И мысли тянутся к перу, перо — к бумаге!". Все наследие великого поэта — стопы исписанных листов, десятки печатных томов. В последний час его окружали книги, и он прощался с ними, как со своими детьми...

Но, разумеется, всего этого я Олеся и Стасу не сказал, — художники недолюбливают литературные ассоциации. У них свой язык — язык красок, линий, объемов. Вот почему я воспринял проект Жалобнюка и Зайвой, прежде всего, не как концептуальный тезис, а как произведение современного изобразительного искусства.

В мастерской на Садовой Олеся перебирает маски, приглаживает пальцами кромки портретов, вспоминает, как они со Стасом собирали разрозненные книжные странички, газетные полосы, развороты глянцевого журнала, рекламные листовки — все, что составляет нынче печатный поток,

отражающий Время. Собранные разноцветные кипы замачивали в ведрах с водой — до превращения в массу наподобие папье-маше, но более легкую. Затем формовали на гипсовой маске — и начиналось самое главное. Каждый лик Поэта под руками художников приобретал черты одной из ипостасей его гениальной, многосложной и противоречивой Натуры. Несколько штрихов, несколько мазков, сухой осенний лист, ленточка яркой фольги — и маска на миг оживает, словно Поэт возвращается к жизни...

Не менее важен и занимателен как бы внутренний мир создаваемых образов — изнутри маски сохранили и фактуру, и характер материала — бумаги, вернее, ее фрагментов с текстами, фотографиями, рисунками, опубликованными в печатных изданиях. Здесь и стихотворная строфа, и обрывок официальной речи, и "шматик" фотографии двух шаров на Ланжероне, и та самая "пара стройных женских ног" из гламурного журнала, и рекламное обещание современной колдуньи: "Сниму венок безбрачия", — Пушкин ведь был суеверен... Был суеверен, повернул назад — в Михайловское, наткнувшись по дороге в Петербург на зайца, и избежал печальной участи декабристов. А вот от предсказания знаменитой гадалки не уберется.. Нашел-таки погибель от руки "Белого человека" — блондинчика Дантеса...

...В тот скорбный петербургский вечер Жуковский остался один у тела только что умершего друга. Вот что он написал немного позднее: "...никогда на этом лице я не видал ничего подобного тому, что было на нем в эту первую минуту смерти... Это был не сон и не покой. Это было не выражение ума, столь прежде свойственное этому лицу, это не было также и выражение поэтическое! Нет! Какая-то глубокая, удивительная мысль на нем развивалась, что-то похожее на видение, на какое-то полное, глубокое, удовлетворенное знание... Мне все хотелось у него спросить: что видишь, друг...".

Этот вопрос вслед за Жуковским задают одесские художники Стас Жалобнюк и Олеся Зайвая. И 48 Пушкиных не дают ответа.

